

Оригинальная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-315-325

Социальная дезадаптация подростков с неблагополучным опытом детско-родительских отношений

Светлана Дзахотовна Гуриева

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

gurievasv@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4305-432X

Максим Михайлович Защириинский

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского

(Санкт-Петербург, Россия)

marklrein@gmail.com

ORCID: 0009-0002-3360-6917

Аннотация

Введение. Исследование направлено на изучение влияния негативного раннего семейного опыта на формирование социально-психологической дезадаптации в подростковом возрасте. Цель исследования – выявить специфику психоэмоциональных реакций и поведенческих паттернов подростков, ставших свидетелями эмоционального или физического насилия в семье.

Организация исследования. Обследованы 52 подростка в возрасте от 14 до 16 лет (средний возраст $15,2 \pm 0,93$ года) с деструктивным поведением. Использовались следующие методики: опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел), анкета «Ранний опыт отношений в семье» (FECS), шкала посттравматических симптомов (PTSS-10), эссе «Мой травматичный опыт», диагностическая беседа. **Результаты.** У 84,6 % обследуемых выявлены агрессивные тенденции, у 76,9 % – склонность к негативизму. Подростки из неблагополучных семей демонстрировали более высокие показатели психической нестабильности ($30,17 \pm 12,65$ балла, $p < 0,0001$), включая нарушения сна, депрессию и эмоциональную лабильность. Полученные данные подтверждают необходимость разработки адресных психокоррекционных программ для подростков с неблагополучным семейным опытом.

Ключевые слова

социальная дезадаптация, детско-родительские отношения, подростковый возраст, девиантное поведение

Для цитирования: Гуриева, С. Д., Защириинский, М. М. (2025). Социальная дезадаптация подростков с неблагополучным опытом детско-родительских отношений. *Российский девиантологический журнал*, 5 (2), 315–325. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-315-325.

Original paper

Social maladaptation of adolescents with dysfunctional experiences of child-parent relationships

Svetlana D. Gurieva

Saint Petersburg State University

(Saint Petersburg, Russia)

gurievasv@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4305-432X**Maksim M. Zashchirinskii**

Russian Christian Academy for the Humanities named after F. M. Dostoevsky

(Saint Petersburg, Russia)

marklrein@gmail.com

ORCID: 0009-0002-3360-6917

Abstract

Introduction. The research is aimed at studying the influence of negative early family experience on the formation of socio-psychological maladaptation in adolescence. The aim of the research is to identify the specifics of psycho-emotional reactions and behavioural patterns of adolescents having experienced emotional or physical violence in their families. **Organisation of the research.** The sample consisted of 52 adolescents aged 14 to 16 years (average age 15.2 ± 0.93 years) with destructive behaviour. The following methods were used: the questionnaire “Propensity for Deviant Behaviour” (A. N. Orel), the questionnaire “Family Experiences in Childhood Scale” (FECS), the Post Traumatic Symptoms Scale (PTSS-10), the essay “My Traumatic Experience”, and a diagnostic interview. **Results.** Aggressive tendencies were revealed in 84.6 % of the participants, while 76.9 % demonstrated a tendency to negativism. Adolescents from dysfunctional families showed higher indicators of mental instability (30.17 ± 12.65 points, $p < 0.0001$), including sleep disturbances, depression and emotional lability. The findings reflect the need to develop targeted psycho-correctional programmes for adolescents with dysfunctional family experiences.

Keywords

social maladaptation, child-parent relations, adolescence, deviant behavior

For citation: Gurieva, S. D., Zashchirinskii, M. M. (2025). Social maladaptation of adolescents with dysfunctional experiences of child-parent relationships. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (2), 315–325. doi: 10.35750/2713-0622-2025-2-315-325.

Введение

В современных исследованиях социально-психологическая дезадаптация чаще всего рассматривается через интерпретацию отдельных форм деструктивного поведения (Семенова, 2024). К ней относят суицидальное и аутоагрессивное поведение, аддикции (употребление психоактивных веществ, нарушение пищевого поведения), школьную дезадаптацию (неуспеваемость, прогулы), делинквентное поведение (правонарушения, агрессия) (Singha & Bhattacharjee, 2016). Данное состояние характеризуется рассогласованием между социально-психологическим статусом подростка и требованиями окружающей среды.

В отличие от узкого понимания дезадаптации подростков (например, при анализе школьной неуспешности), современные исследования акцентируют внимание на системном характере данного феномена, включающего когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Т. Д. Молодцова и С. А. Беличева предложили научно обоснованные модели анализа, учитывающие устойчивость и сферу проявлений дезадаптации; выделили уровни дезадаптации от ситуативных проявлений до глубокой социальной дезинтеграции (Молодцова, 2013). Особое внимание уделили динамике системы ценностей дезадаптированных подростков как регуляторов поведения:

- ориентации на материальные блага и сиюминутные удовольствия;
- обесцениванию здоровья, ответственности, честности;
- виктимизации, связанной с недостаточной эмоциональной поддержкой и социальной изоляцией (Венцкуте, Корнеева, Шахова, 2023; Омарова, Гитинова, 2025);
- влиянию криминальных субкультур (Баева и др., 2022). Когда подросток ищет выход из неблагополучной семейной коммуникации и одиночества, из возникающего на этой основе дискомфорта, участие в деятельности неформальных групп создает для него длительную иллюзию забывчивости своих неприятностей и избавления от имеющихся переживаний (Елисов, 2025). При этом антисоциальная креативность подростков с различным уровнем агрессии опосредуется разными видами ценностей (Хломов и др., 2022).

Для целей настоящего исследования используется двумерная модель социально-психологической дезадаптации (Семенова, 2024), включающая:

- 1) социальную дезадаптацию (агрессию, правонарушения, конфликты): социальное поведение подростка рассматривается как критерий включения в группу обследуемых;
- 2) психологическую дезадаптацию: проявляется в психоэмоциональных реакциях подростков (является предметом данного исследования).

Значительную группу риска составляют подростки с неблагополучным опытом детско-родительских отношений, в процессе которого формируются деструктивные паттерны поведения, что затрудняет интеграцию в социум и повышает вероятность девиантного развития. Ведущие средовые факторы семейного неблагополучия – дефицит эмоционального тепла, непоследовательность воспитания и асоциальные образцы поведения родителей (Мачурина, 2017). Проявления личностной изменчивости (эмоциональная лабильность, противоречивость ценностных ориентаций, неустойчивость поведенческих паттернов) у подростков из неблагополучных семей рассматривается как следствие дезадаптивных условий социализации. В отличие от подростков из условно гармоничных семей и их сверстников с неблагополучным социальным окружением наблюдается ненормативная личностная изменчивость (Юрченко, 2006).

Исследования выделяют различные концепты неблагополучных детско-родительских отношений, способствующих дезадаптации. Так, эмоциональное отвержение приводит к формированию избегающего или агрессивного поведения. Для подростков с высоким уровнем общего и социального интеллекта, пользующихся авторитетом у сверстников, в реализации агрессивности характерны нормативно-инструментальные действия; непопулярные, неуспешные подростки проявляют импульсивно-демонстративную агрессию; целенаправленно враждебные действия характеризуют подростков, решающих конфликты силой¹. Насилие и жестокое обращение коррелирует с повышенной тревожностью, депрессией и антисоциальными тенденциями (Конищева, 2022).

Когнитивно-поведенческий подход рассматривает дезадаптацию в формировании негативных схем мышления («я неудачник», «мир враждебен»), возникающих в условиях

¹ Реан, А. А. (2013). *Психология личности: учебное пособие*. Издательство «Питер».

эмоционального отвержения или гиперконтроля со стороны родителей. Деадаптация проявляется в дисрегуляции при реакциях на стресс (Frick & Kemp, 2021), когда хроническая психоэмоциональная напряженность сопровождается непоследовательностью родительских реакций.

Актуальным является вопрос о развитии деадаптации в сензитивный для социального взаимодействия период подросткового возраста. В пубертате значимой становится дезармонизация взаимодействия личности не только с ближайшим окружением, но и с самим собой (Педченко, 2017). Конфликты и агрессия в отношениях между родителями негативно влияют на просоциальное развитие подростков (Jhang, 2025), способствуя дефициту социальных компетенций, ослаблению регуляции эмоций и уменьшению склонности к кооперации. Деструкция подразумевает нарушение прав других людей на безопасность и характеризуется сниженным уровнем эмпатии (Frick & Kemp, 2021). Нарушения социальной адаптации, обусловленные как сложными физиологическими изменениями в пубертатный период, так и гетерохронностью физического и психосоциального развития, приводят к значимым изменениям в психическом состоянии подростков. Изменения в поведении анализируются в контексте многофакторной модели, где ключевую роль играет семейная среда (Хломов и др., 2022). Семья выступает первичным агентом социализации, формирующим паттерны взаимодействия с социальным окружением. Нарушения детско-родительских отношений создают предпосылки для девиантного поведения. Лонгитюдными исследованиями подтверждено, что увеличение частоты межродительских конфликтов снижает социальное благополучие детей (Hess, 2022).

Результаты исследования и их обсуждение

Цель исследования – определение особенностей социальной деадаптации подростков с деструктивным поведением.

Теория эмоциональной безопасности (Davies & Cummings, 1994) и современные трактовки гипотез о социально-психологической компенсации (Krishnakumar & Buehler, 2000) позволили проанализировать проявления социальной деадаптации, опосредованные конфликтным межродительским поведением, включающим признаки эмоционального или физического насилия. Исследовалась межпоколенческая специфика передачи опыта деструктивного поведения.

Гипотеза исследования состоит в том, что существуют особенности характеристик социально-психологической деадаптации подростков, ставших свидетелями пролонгированного эмоционального и физического насилия в семье.

Исследование проведено на базе трех государственных бюджетных учреждений социального обслуживания населения «Центр социальной помощи семье и детям» в Василеостровском, Калининском и Красногвардейском районах Санкт-Петербурга. Определение группы риска подростков по социальной деадаптации осуществлялось с применением методики внешней экспертной оценки поведенческой составляющей Д. Стотта «Карта наблюдений».

В группу обследуемых включены 52 подростка в возрасте от 14 до 16 лет (средний возраст $15,2 \pm 0,93$ года) с деструктивным поведением. Деструктивное поведение характеризуется следующими признаками²:

- 1) отклонение от норм общественного развития, проявляющееся в противоречии между личными и общественными ценностями;
- 2) дестабилизация и деструктивность с нанесением ущерба на межличностном уровне взаимодействия с людьми;
- 3) критичная социальная оценка подростком окружающих;

² Комлев, Ю. Ю. (2014). *Теории девиантного поведения: учебное пособие*, 2 изд. Издательский дом АЛЕФ-ПРЕСС.

- 4) псевдокомпенсаторность на фоне личностного неблагополучия и дезадаптации;
 5) отсутствие мотивации к учебе, сочетающееся с непониманием своих профессиональных и социальных перспектив.

Все подростки – ученики общеобразовательных школ Санкт-Петербурга. Подростки принимали участие в обследовании на добровольной основе при наличии согласия родителей на проведение психологической диагностики при их обращении в центры социальной помощи семье и детям. Методики заполнялись анонимно.

Оценка специфики социальной дезадаптации подростков с неблагополучным опытом детско-родительских отношений осуществлялась с использованием следующих методик: опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел), анкета «Ранний опыт отношения в семье» (FECS), шкала посттравматических симптомов по Г. Фишеру (PTSS-10), эссе «Мой травматичный опыт» – описание ситуации, которая стала причиной тяжелого психического состояния; диагностическая беседа.

По результатам опроса с использованием методики диагностики склонности к девиантному поведению (А. Н. Орел) у подростков в 84,6 % случаев выявлено проявление агрессивных тенденций; 76,9 % опрошенных обнаружили склонность к негативистским реакциям и тенденцию к преодолению ситуационных барьеров в обход конструктивных стратегий.

Для анализа специфики семейной коммуникации использовались анкета «Ранний опыт отношений в семье», эссе «Мой травматичный опыт» и диагностическая беседа. Полученные данные (таблица 1) свидетельствуют о низком уровне эмоциональной поддержки со стороны родителей, частых конфликтах в семье, эпизодах жестокого обращения и психической травматизации. Подростки отмечали чувство раздражения и гнева в домашней обстановке, а также наличие воспоминаний, связанных с насилием и игнорированием их потребностей. Тревога становится системным эмоциональным состоянием, создавая основу для устойчивого проявления дезадаптации (Защирина, Огарева, Никифоров, 2023).

Таблица 1. Описание подростками специфики семейных отношений

Table 1. Adolescents' description of the specifics of family relationships

Показатель	M ± SD	Me [LQ; UQ]	(Min; Max)
Оцените Ваши отношения с матерью в то время, когда Вы были маленьким ребенком	0,87 ± 0,91	1,00 [0,00;1,00]	(0,00; 3,00)
Оцените Ваше отношения с отцом в то время, когда Вы были маленьким ребенком	1,25 ± 0,98	1,00 [1,00;2,00]	(0,00; 3,00)
Как Вы думаете, как Ваш опыт отношений с родителями влияет на Вашу жизнь сейчас?	0,72 ± 0,85	0,00 [0,00;2,00]	(0,00; 2,00)
Какие у Вас сейчас отношения с Вашими родителями?	0,32 ± 0,51	0,00 [0,00;1,00]	(0,00; 2,00)
Когда я дома чувствую себя раздраженным(ой) и сердитым(ой) – согласие с утверждением	1,68 ± 1,17	2,00 [1,00;3,00]	(0,00; 3,00)
В раннем детстве никто не замечал, что со мной происходило или как я себя чувствовал	1,74 ± 1,81	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
Я бывал несправедливо наказан	1,72 ± 1,74	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
Как я ни старался хорошо себя вести, для моей семьи этого никогда не было достаточно	1,58 ± 1,82	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)

Показатель	M ± SD	Me [LQ; UQ]	(Min; Max)
Я непроизвольно вспоминаю конфликты родителей	2,04 ± 1,02	2,00 [1,00;3,00]	(0,00; 3,00)
Я думал(а), что была угроза жизни для одного из родителей от другого	0,80 ± 0,81	1,00 [0,00;1,00]	(0,00; 2,00)
Один из моих родителей (или людей с которыми я жил) был очень жестоким и агрессивным человеком	1,97 ± 1,76	2,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
Среди моих детских воспоминаний много таких вещей, о которых я не хочу или не могу говорить	1,40 ± 1,74	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
До пятилетнего возраста я ничего не помню о своем детстве	1,87 ± 1,80	1,00 [0,00;3,00]	(0,00; 5,00)
Я считаю, что у меня не было детства	1,06 ± 1,67	0,00 [0,00;2,00]	(0,00; 5,00)

Таблица 2. Ранний опыт отношений в семье

Table 2. Early experiences of family relationships

Показатель	M ± SD	Me [LQ; UQ]	(Min; Max)
Отношение к матери	3,37 ± 3,17	2,00 [1,00;5,50]	(0,00; 11,00)
Отношение к отцу	5,03 ± 3,19	5,00 [2,00;8,00]	(0,00; 10,00)
Отторжение	12,32 ± 7,91	11,00 [6,00;18,00]	(0,00; 31,00)
Принятие	31,55 ± 4,83	32,00 [28,00;35,00]	(21,00; 40,00)
Наличие–отсутствие ласки	24,10 ± 3,66	24,00 [21,00;26,50]	(15,00; 30,00)
Эмоциональная доступность	16,25 ± 3,07	16,00 [14,00;20,00]	(10,00; 20,00)
Отсутствие эмоциональной доступности	4,79 ± 3,49	5,00 [2,00;7,00]	(0,00; 15,00)
Позитивное-негативное подкрепление	8,63 ± 5,09	9,00 [5,00;12,00]	(0,00; 21,00)
Безусловная-обусловленная поддержка	14,04 ± 4,46	14,00 [10,00;17,00]	(6,00; 29,00)
История потерь важных фигур	3,84 ± 1,40	4,00 [3,00;4,00]	(1,00; 9,00)
Вербальное, физическое или сексуальное насилие	17,57 ± 6,41	16,00 [12,00;22,00]	(5,00; 32,00)
Чрезмерное внимание	9,72 ± 2,58	10,00 [8,00;11,00]	(5,00; 15,00)
Недостаток необходимого внимания, пренебрежение	8,69 ± 5,25	8,00 [5,00;12,00]	(0,00; 21,00)

Эмпирические данные, полученные с помощью опросника «Ранний опыт отношений в семье» (таблица 2), демонстрируют выраженные нарушения в детско-родительском взаимодействии, включая высокий уровень отторжения (Me = 11,00), эмоциональную недоступность родителей (M = 16,25 ± 3,07) и наличие негативного психотравмирующего опыта (вербальное, физическое или сексуальное насилие: M = 17,57 ± 6,41). Выявлены три основных паттерна деструктивных детско-родительских отношений: тревожно-дистанцированный (38,4 % случаев), авторитарно-конфликтный (19,2 %), агрессивно-отвергающий (13,5 % особо тяжелых случаев).

Эмпирические данные свидетельствуют о значительном дисбалансе в семейной системе: при формально высоких показателях принятия (M = 31,55) отмечается выраженное

Таблица 3. Субъективная оценка подростками конфликтных отношений между их родителями

Table 3. Adolescents' subjective assessment of parental conflicts

Оценка тяжести негативного опыта внутрисемейной коммуникации	Всего	Доля, %
Завышенное переживание опыта	20	38,4%
Умеренная	10	19,2%
Легкая	8	15,3%
Особо тяжкая	7	13,5%
Тяжкая	7	13,5%

отторжение ($Me = 11,00$) и высокий уровень насилия ($Me = 16,00$), что создает условия для формирования кризиса идентичности в подростковом возрасте. Данные факторы детерминируют специфические паттерны формирования характера, в частности, повышение поведенческой вариативности. Негативный ранний опыт отношений проявляется в нарушении самоидентификации, трудностях в формировании устойчивых ценностных ориентиров, склонности к деструктивным моделям поведения.

Распределение показателей параметра «неблагополучный опыт детско-родительских отношений» показало значительную долю завышенного переживания подростками конфликтности отношений между родителями (таблица 3). Условием трансформации объективных семейных дисфункций в неблагоприятный фактор выступает субъективная значимость для подростка специфики межродительской коммуникации.

На основе описания подростками своих родителей выделены повторяющиеся в их высказываниях прилагательные, которые характеризуют отношение к матери и отцу. Все эмоционально негативные слова при классификации распределились на три группы.

Тревожно-дистанцированное отношение к родителям выражалось с помощью слов «холодные», «равнодушные», «отстраненные», «тревожные». Авторитарный стиль общения с ними подростки описывали как недоверительные, требовательные, напряженные, тяжелые ежедневные контакты. При описании детско-родительских отношений многочисленными оказались слова-прилагательные, с помощью которых подростки пытались передать агрессивную внутрисемейную атмосферу. В данном случае для характеристик отца и матери использовались слова «унижающие», «ранящие», «очень жесткие», «осуждающие», «грубые», «постоянно ругающие», «отвратительные», «злобные».

Анализируемый вербальный контент встречался у всех обследованных.

В таблице 4 представлены данные сравнительного анализа психоэмоционального состояния подростков с деструктивным поведением, ставших свидетелями эмоционального или физического насилия в семье ($n = 34$), и их сверстников из благополучных семей ($n = 18$).

Полученные данные демонстрируют достоверные различия между группами ($p < 0,0001$) по следующим параметрам:

- нарушения сна ($3,80 \pm 1,97$);
- депрессивные состояния ($3,84 \pm 1,99$);
- эмоциональная лабильность ($3,54 \pm 2,08$);
- когнитивные искажения – хроническое чувство вины ($3,52 \pm 2,17$).

Общий балл посттравматической симптоматики в группе подростков, ставших свидетелями семейного насилия, составил $30,17 \pm 12,65$, что свидетельствует о значительном психоэмоциональном неблагополучии первой группы.

Таблица 4. Психоэмоциональное состояние подростков с деструктивным поведением

Table 4. Psycho-emotional state of adolescents with destructive behavior

Параметры по шкале постравматических симптомов	Подростки, ставшие свидетелями эмоционального или физического насилия в семье (n = 34)	Подростки без деструктивных проявлений в межродительской коммуникации (n = 18)	P
1. Проблемы со сном	3,80 ± 1,97	2,14 ± 1,52	<0,0001
2. Кошмары от обременительного события	1,76 ± 2,26	0,91 ± 2,14	0,0502
3. Депрессии, чувствую себя подавленным(ой)	3,84 ± 1,99	2,45 ± 1,82	<0,0001
4. Пугливость	2,68 ± 2,32	1,45 ± 1,65	0,0005
5. Потребность уединиться	3,00 ± 2,28	2,63 ± 1,78	0,2078
6. Раздраженность	3,08 ± 1,89	2,53 ± 1,71	0,0240
7. Колебания настроения	3,54 ± 2,08	2,14 ± 1,05	<0,0001
8. Чувство вины	3,52 ± 2,17	1,87 ± 1,80	<0,0001
9. Страх перед местами или ситуациями, которые могли бы напомнить мне об обременительном событии	2,57 ± 2,49	1,77 ± 1,84	0,0597
10. Напряжение мышц	2,80 ± 2,33	2,30 ± 2,05	0,1700
Общее состояние психической нестабильности	15,84 ± 7,48	11,30 ± 6,30	<0,0001
Специфические симптомы психотравматизации	14,34 ± 6,59	9,36 ± 5,88	<0,0001
Общий балл	30,17 ± 12,65	20,66 ± 11,52	<0,0001

Результаты подтверждают, что опыт семейного насилия формирует у подростков:

– стойкую психическую нестабильность, в том числе повышенную агрессию в межличностных отношениях;

– трудности в установлении доверительных контактов;

– повышенную склонность к антисоциальному поведению.

Проведенное исследование позволило сформулировать определенные выводы:

1) неблагоприятный семейный опыт играет ведущую роль в формировании социально-психологической дезадаптации подростков с проявлениями психической нестабильности и агрессивности;

2) определены устойчивые корреляты психоэмоционального состояния подростков с их деструктивным поведением;

3) наличие устойчивых проявлений нарушенной семейной коммуникации обуславливает формирование деструктивных поведенческих паттернов у подростков.

Заключение

Результаты исследования показывают, что агрессивная конфликтная семейная динамика может оказывать значимое воздействие на передачу антисоциального поведения от родителей к детям. Неблагополучный опыт детско-родительских отношений является значимым предиктором социальной дезадаптации подростков.

Проблема социальной дезадаптации подростков требует междисциплинарного подхода, объединяющего достижения клинической психологии, социологии и педагогики. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются:

- изучение нейробиологических механизмов дезадаптации;
- разработка дифференцированных программ помощи для различных типов дезадаптации;
- создание эффективных моделей раннего выявления групп риска;
- исследование влияния цифровой среды на процессы социализации.

Приоритетное значение приобретает разработка превентивных стратегий коррекции сформировавшихся нарушений в социальном поведении для создания условий для улучшения социальной адаптации у подростков.

Список литературы

- Баева, И. А., Ульянина, О. А., Вихристюк, О. В., Гаязова и др. (2022). Фактор социально-психологической дезадаптации и ценностные ориентации подростков и молодежи. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 206, 228–242. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2022-206-228-242>
- Венцкуте, М. С., Корнеева, Я. А., Шахова, Л. И. (2023). Характеристики социально-психологической дезадаптации подростков, подвергшихся психологическому, эмоциональному и физическому насилию. *Психология и психотехника*, (4), 1–25. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2023.4.43594>
- Елисов, П. П. (2025). Анализ причин участия подростков в деятельности неформальных молодежных групп. *Международный научный вестник*, (1), 72–75. <https://doi.org/10.24412/2782-3849-2025-1-72-7>
- Защиринская, О. В., Огарева, Е. И., Никифоров, А. А. (2023). Тревожность и коммуникативные свойства личности. *Педагогический ИМИДЖ*, 17 (2 (59)), 170–181. <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2023-17-2-170-181>
- Конищева, А. В. (2022). Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии. *Психология и право*, 12 (3), 88–96. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120308>
- Мачурина, Т. Н. (2017). Типы деструктивного родительского воспитания как факторы развития невротизации личности. *Вестник практической психологии образования*, 14 (2), 80–83. https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n2/Machurina
- Молодцова, Т. Д. (2013). Основные виды и типы подростковой дезадаптации. *Концепт*, 5 (21), 65–71. <http://e-koncept.ru/2013/13099.htm>
- Омарова, П. Р., Гитинова, М. М. (2025). Особенности виктимизации несовершеннолетних. *Международный научный вестник*, (1), 58–62. <https://doi.org/10.24412/2782-3849-2025-1-58-62>
- Педченко, В. В. (2017) Критерии и показатели социально-психологической дезадаптации старшего подростка. *Молодой ученый*, 5 (139), 405–410. <https://moluch.ru/archive/139/39146>
- Семенова, К. Г. (2024). Социально-психологическая дезадаптация подростков: типология и взаимосвязь с системой ценностных ориентаций. *Вестник практической психологии образования*, 21 (1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>

- Хломов, К. Д., Бочавер, А. А., Фоменко, М. С., Селиванова, Е. И., Шемшурин, А. А. (2022). Агрессия и автономия в подростковом возрасте. *Психологическая наука и образование*, 27 (3), 117–128. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270309>
- Юрченко, О. Ф. (2006). *Диагностика и коррекция проявлений личностной изменчивости у подростков из неблагополучных семей*: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь.
- Davies, P. T., & Cummings, E. M. (1994). Marital conflict and child adjustment: An emotional security hypothesis. *Psychological Bulletin*, 116 (3), 387–411. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.3.387>
- Frick, P. J., & Kemp, E. C. (2021). Conduct Disorders and Empathy Development. *Annu. Rev. Clin. Psychol.*, 17, 391–416. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-081219-105809>
- Jhang, F-H. (2025). Coparenting conflict and externalizing problems among early adolescents: a longitudinal moderated mediation model. *Curr Psychol*, (44), 5003–5015. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07546-z>
- Hess, S. (2022). Effects of Inter-Parental Conflict on Children's Social Well-Being and the Mediation Role of Parenting Behavior. *Applied Research Quality Life*, 1(7), 2059–2085. <https://doi.org/10.1007/s11482-021-10022-y>
- Krishnakumar, A., & Buehler, C. (2000). Interparental conflict and parenting Behaviors: A meta-analytic review. *Family Relations*, 49 (1), 25–44. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2000.00025.x>
- Singha, R., & Bhattacharjee, A. (2016). A Search of Different Maladjusted Behaviours of Adolescents Inside and Outside of Classroom and The Causal Factors That Are Responsible for Their Behaviours. *International Journal of Research in Social Sciences*, 6 (9), 435–444.

References

- Baeva, I. A., Ul'yanina, O. A., Vihristyuk, O. V., Gayazova i dr. (2022). Faktor social'no-psihologicheskoy dezadaptacii i cennostnye orientacii podrostkov i molodezhi. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 206, 228–242. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2022-206-228-242>
- Venckute, M. S., Korneeva, Ya. A., Shahova, L. I. (2023). Harakteristiki social'no-psihologicheskoy dezadaptacii podrostkov, podvergshihsiya psihologicheskomu, emocional'nomu i fizicheskomu nasiliyu. *Psihologiya i psihotekhnika*, (4), 1–25. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2023.4.43594>
- Elisov, P. P. (2025). Analiz prichin uchastiya podrostkov v deyatel'nosti neformal'nyh molodezhnyh grupp. *Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik*, (1), 72–75. <https://doi.org/10.24412/2782-3849-2025-1-72-7>
- Zashchirinskaya, O. V., Ogareva, E. I., Nikiforov, A. A. (2023). Trevozhnost' i kommunikativnye svojstva lichnosti. *Pedagogicheskij IMIDZH*, 17 (2 (59)), 170–181. <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2023-17-2-170-181>
- Konishcheva, A. V. (2022). Podhody k issledovaniyu roditel'skogo otnosheniya v rossijskoj psihologii. *Psihologiya i pravo*, 12 (3), 88–96. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120308>
- Machurina, T. N. (2017). Tipy destruktivnogo roditel'skogo vospitaniya kak faktory razvitiya nevrotizacii lichnosti. *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya*, 14 (2), 80–83. https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n2/Machurina
- Molodcova, T. D. (2013). Osnovnye vidy i tipy podrostkovoju dezadaptacii. *Koncept*, 5 (21), 65–71. <http://e-koncept.ru/2013/13099.htm>
- Omarova, P. R., Gitinova, M. M. (2025). Osobennosti viktimizacii nesovershennoletnih. *Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik*, (1), 58–62. <https://doi.org/10.24412/2782-3849-2025-1-58-62>
- Pedchenko, V. V. (2017) Kriterii i pokazateli social'no-psihologicheskoy dezadaptacii starshego podrostka. *Molodoj uchenyj*, 5 (139), 405–410. <https://moluch.ru/archive/139/39146>
- Semenova, K. G. (2024). Social'no-psihologicheskaya dezadaptaciya podrostkov: tipologiya i vzaimosvyaz' s sistemoy cennostnyh orientacij. *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya*, 21 (1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>

- Hlomov, K. D., Bochaver, A. A., Fomenko, M. S., Selivanova, E. I., SHemshurin, A. A. (2022). Agresiya i avtonomiya v podrostkovom vozraste. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 27 (3), 117–128. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270309>
- Yurchenko, O. F. (2006). *Diagnostika i korrekciya proyavlenij lichnostnoj izmenchivosti u podrostkov iz neblagopoluchnyh semej*: dis. ... kand. psihol. nauk. Stavropol'.
- Davies, P. T., & Cummings, E. M. (1994). Marital conflict and child adjustment: An emotional security hypothesis. *Psychological Bulletin*, 116 (3), 387–411. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.3.387>
- Frick, P. J., & Kemp, E. C. (2021). Conduct Disorders and Empathy Development. *Annu. Rev. Clin. Psychol.*, 17, 391–416. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-081219-105809>
- Jhang, F-H. (2025). Coparenting conflict and externalizing problems among early adolescents: a longitudinal moderated mediation model. *Curr Psychol*, (44), 5003–5015. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07546-z>
- Hess, S. (2022). Effects of Inter-Parental Conflict on Children's Social Well-Being and the Mediation Role of Parenting Behavior. *Applied Research Quality Life*, 1(7), 2059–2085. <https://doi.org/10.1007/s11482-021-10022-y>
- Krishnakumar, A., & Buehler, C. (2000). Interparental conflict and parenting Behaviors: A meta-analytic review. *Family Relations*, 49 (1), 25–44. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2000.00025.x>
- Singha, R., & Bhattacharjee, A. (2016). A Search of Different Maladjusted Behaviours of Adolescents Inside and Outside of Classroom and The Causal Factors That Are Responsible for Their Behaviours. *International Journal of Research in Social Sciences*, 6 (9), 435–444.

Информация об авторах

Светлана Дзахотовна Гуриева – заведующий кафедрой социальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

Максим Михайлович Защиринский – аспирант факультета психологии и философии человека, кафедра психотравматологии, АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского».

About the authors

Svetlana D. Gurieva – Head of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Dr. Sci. (Psy.), Professor.

Maksim M. Zashchirinskii – Postgraduate of the Faculty of Psychology and Human Philosophy, Department of Psychotraumatology, Russian Christian Academy for the Humanities named after F.M. Dostoevsky.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 12.05.2025

Одобрена после рецензирования 09.06.2025

Опубликована 28.07.2025

Submitted May 12, 2025

Approved after reviewing June 09, 2025

Accepted July 28, 2025